

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ СОВПАДЕНИЯ (СОВМЕЩЕНИЯ) ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СТАТУСОВ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Анализируется возможность совпадения и совмещения процессуальных статусов участников гражданского процесса. На основе анализа теоретических конструкций и действующих норм ГПК РФ и АПК РФ доказывается невозможность совмещения (совпадения) процессуальных статусов сторон и третьих лиц, судебного представителя и иных участвующих в деле лиц и свидетеля.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство; совмещение процессуальных статусов лиц, участвующих в деле, и лиц, содействующих правосудию.

В августовском номере Вестника Высшего Арбитражного Суда РФ за 2011 г. опубликована статья профессора кафедры гражданского процесса и предпринимательского права Самарского государственного университета, доктора юридических наук А.В. Юдина, в которой автор рассматривает проблемы совпадения и совмещения процессуальных статусов участников арбитражного и гражданского процесса [1. С. 74–87]. Общий пафос статьи сводится к тому, что теоретические и законодательные конструкции лиц, участвующих в деле, и лиц, содействующих правосудию, нельзя рассматривать как нечто незыблемое и закостенелое. В зависимости от субъективного усмотрения участников судебного разбирательства они могут легко и непринужденно менять свой процессуальный статус и совмещать его с другим процессуальным статусом. Однако такая позиция представляется умозрительной, а ее аргументация недостаточно взвешенной и глубокой.

Так, задаваясь вопросом, может ли одно лицо, участвующее в деле, приобретать и сохранять одновременно процессуальный статус другого лица, участвующего в деле, А.В. Юдин отвечает положительно. При этом общий посыл рассуждений автора сводится к двум моментам. Во-первых, стороны и третьи лица (двух видов) являются, как правило, субъектами спорных материальных правоотношений. Во-вторых, изменение их процессуального статуса объективно предопределено динамикой материальных правоотношений [1. С. 77]. На первый взгляд эти аргументы выглядят вполне убедительно. Однако на деле все обстоит далеко не так, потому что истина кроется в деталях.

Прежде всего, обращает на себя внимание утверждение А.В. Юдина о том, что стороны и третьи лица (двух видов) являются субъектами спорных материальных правоотношений. Такое утверждение представляется глубоко ошибочным в силу следующих причин. Во-первых, если рассматривать соотношение истца и третьего лица, заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора, то эти фигуры абсолютно несовместимы, потому что они не являются и не предполагаются субъектами одного и того же спорного материального правоотношения, выступающего предметом судебного разбирательства. Первоначальный истец и третье лицо с самостоятельными требованиями на предмет спора соотносятся между собой как надлежащий и ненадлежащий истцы, требования которых относительно предмета спора носят взаимоисключающий характер. Поэтому действительным субъектом спорного материального правоотношения окажется и,

следовательно, получит решение суда в свою пользу то лицо, которое докажет суду надлежащий характер своего требования против ответчика, т.е. докажет что именно он является управомоченным субъектом спорного правоотношения, обладателем спорного права или законного интереса. Во-вторых, третье лицо, не заявляющее самостоятельные требования относительно предмета спора, вообще не может быть (не является и не предполагается) субъектом спорного материального правоотношения, потому что такое лицо предполагается участником не спорного, а примыкающего к нему правоотношения. Третье лицо, не заявляющее самостоятельные требования на предмет спора, находится (предполагается состоящим) в материально-правовой связи только с тем лицом (истцом или ответчиком), на стороне которого оно (третье лицо) участвует в судебном процессе. Поэтому третье лицо, не заявляющее самостоятельные требования на предмет спора, в отличие от третьего лица, заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора, заинтересовано не в предмете спора, а в его исходе, потому что решение по делу между истцом и ответчиком может повлиять на его права и обязанности по отношению к тому лицу, на стороне которого оно участвовало в деле и с которым находится в материально-правовой связи.

Далее, рассуждая о случаях совпадения истца и ответчика в одном лице, А.В. Юдин сетует на отсутствие алгоритма действий суда в этой ситуации [1. С. 78]. Представляется, что такой алгоритм существует и он вытекает из логики рассматриваемого судом спора, сторонами которого выступают истец и ответчик как предполагаемые субъекты спорного материального правоотношения. Управомоченное лицо материального правоотношения как обладатель спорного субъективного права (в обязательственном правоотношении это кредитор) занимает в судебном процессе положение истца, а обязанное лицо как носитель спорной юридической обязанности (в обязательственном правоотношении это должник) – положение ответчика. Совпадение в одном лице кредитора и должника влечет прекращение спорного материального правоотношения, т.е. прекращение обязательства (ст. 413 ГК РФ), и как логическое следствие – исчезновение судебного спора между двумя противоборствующими сторонами: истцом и ответчиком. В зависимости от поведения истца как инициатора судебного процесса разбирательство дела в суде может завершиться либо прекращением производства по делу в связи с отказом истца от иска (абз. 4 ст. 220 ГПК РФ, п. 4 ч. 1 ст. 150 АПК РФ), либо вынесением решения об отказе в удовлетворении иска

в связи с прекращением спорного материального правоотношения и исчезновением объекта судебной защиты, т.е. субъективного права, которому корреспондирует обязанность конкретного лица.

По действующему законодательству носителями прав, свобод и законных интересов могут быть не только персонифицированные субъекты в лице физических и юридических лиц, Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, но и неперсонифицированные субъекты, т.е. неопределенный круг лиц. Причем право на обращение за судебной защитой нарушенных или оспоренных прав, свобод или законных интересов принадлежит не только предполагаемым участникам спорного материального правоотношения, т.е. обладателям этих прав, свобод и законных интересов (ч. 1 ст. 3, ч. 1 ст. 4 ГПК РФ, ч. 1 ст. 4 АПК РФ), но и иным управомоченным на то законом лицам (ч. 2 ст. 4 ГПК РФ, ч. 2 ст. 4 АПК РФ). В теории процессуального права первые именуется истцами в материально-правовом смысле, потому что защищают *свои* права, свободы и законные интересы, вторые – истцами в процессуальном смысле, потому что защищают *от своего имени* права, свободы и законные интересы *других лиц* – их предполагаемых обладателей.

В связи с этим трудно согласиться с А.В. Юдиным, допускающим существование судебного процесса без фигуры истца в силу невозможности прокурора, подавшего заявление (иск), персонифицировать лицо, в чью защиту им подано заявление (иск) [1. С. 79].

Полагаем, что если существуют конкретные права, свободы или законные интересы, то существует и их конкретный носитель (обладатель) в лице субъектов публичной власти, неопределенного круга лиц, физических или юридических лиц. По этой причине судебный процесс по защите таких прав, свобод и законных интересов всегда имеет истца (имеется в виду юридическое, а не фактическое участие). Поэтому прокурор в случае предъявления им исков в защиту интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований; прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц, граждан или организаций (ч. 1 ст. 45, ч. 3 ст. 131 ГПК РФ, ч. 1 ст. 52 АПК РФ) *обязан указать* в исковом заявлении, в чем конкретно заключаются их интересы, какое право нарушено, а также сослаться на закон или иной нормативный правовой акт, предусматривающий способы защиты этих интересов или прав. В силу прямого предписания процессуальных норм прокурор в этих случаях занимает в судебном процессе положение истца в процессуальном смысле (ч. 2 ст. 45 ГПК РФ, ст. 45 и ч. 3 ст. 52 АПК РФ), а предполагаемый носитель спорного права или интереса – истца в материально-правовом смысле (ч. 2 ст. 38 ГПК РФ, ч. 2 ст. 44 и ч. 4 ст. 52 АПК РФ). Поэтому в случаях, когда прокурор не может по каким-либо причинам определить («персонифицировать») лицо, чье право или интерес нарушены либо оспорены, отсутствуют основания для его обращения в суд с соответствующей просьбой, что, в свою очередь, означает принципиальную невозможность совмещения статусов истца и прокурора в том смысле, как это понимает А.В. Юдин [1. С. 80].

Убеждение данного автора, полагающего, что применительно к производству по делам, возникающим из публичных правоотношений, такой проблемы не существует (в данном случае имеется в виду невозможность прокурора персонифицировать лицо, в чью защиту он обращается с заявлением в суд), поскольку прокурор по таким делам может выступать автономно (?) в качестве заявителя, даже если за ним не стоит «материально-правовой» заявитель, вызывает серьезные сомнения в его обоснованности.

Анализ норм, регламентирующих производство по делам, возникающим из публичных правоотношений, не дает оснований для такого рода выводов, потому что свидетельствует об обратном, а именно о том, что за прокурором, по инициативе которого возбуждается производство по делу, всегда стоит «материально-правовой» заявитель. Так, согласно ч. 1 и 5 ст. 251 ГПК РФ, ч. 2 ст. 192, п. 3 ч. 1 ст. 193 АПК РФ прокурор вправе в пределах своей компетенции обратиться в соответствующий суд с заявлением о признании нормативного правового акта противоречащим закону и указать в заявлении, какие права и свободы гражданина, неопределенного круга лиц или организации нарушаются этим актом или его частью. В соответствии с ч. 1 ст. 45, ч. 1 ст. 247 ГПК РФ и п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 2 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих» [2. С. 11], а также ч. 2 ст. 198, п. 3 ч. 1 ст. 199 АПК РФ прокурор вправе обратиться в соответствующий суд с заявлением об оспаривании решений, действий (бездействия) субъектов, осуществляющих публичные полномочия, если указанными актами нарушаются права, свободы и законные интересы граждан, организаций, иных лиц, в том числе в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Наконец, согласно ч. 1, 3 и 4 ст. 259 ГПК РФ прокурор вправе обратиться в суд общей юрисдикции с заявлением о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ.

Следующее положение А.В. Юдина, которое вызывает сомнение в его обоснованности, заключается в том, что судебный представитель совмещает свои функции с функциями лица, участвующего в деле [1. С. 81–83]. Поскольку представитель, принимая во внимание цель его участия в судебном процессе (ст. 48, 49, 52 ГПК РФ, ст. 59 АПК РФ), а также характер и содержание его процессуальных прав и обязанностей (ст. 53, 54, ч. 4 ст. 131, ст. 132 ГПК РФ, ст. 61, 62, 125, 126 АПК РФ), является лицом, участвующим в деле [3. С. 286–290], вопрос о совмещении процессуальных статусов представителя и участвующего в деле лица не имеет практического значения, а потому является надуманным.

Представляется глубоко ошибочным мнение А.В. Юдина, допускающего возможность одновременного совмещения (совпадения) процессуальных статусов лица, участвующего в деле, в том числе судебного представителя, и свидетеля [1. С. 83–84]. Судебный представитель, а также иное лицо, участвующее в деле,

вправе давать лишь *объяснения*, которые могут содержать информацию об обстоятельствах, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения того дела, в котором они занимают положение судебного представителя или иного участвующего в деле лица. Кроме того, такие участники процесса вправе задавать вопросы другим участвующим в деле лицам, свидетелям, экспертам, заявлять различного рода ходатайства (в том числе ходатайства об исследовании дополнительных доказательств), давать в судебных прениях свою оценку исследованным доказательствам и юридическим фактам. В связи с этим практическая реализация предложения А.В. Юдина о допросе участвующих в деле лиц, в том числе судебного представителя, в качестве свидетелей приведет к хаосу и неразберихе в судебном процессе, потому что процессуальный режим допроса свидетелей лишит судебного представителя возможности выполнять представительские функции, а иных участвующих в деле лиц – возможности осуществлять свои права и исполнять обязанности в строгом соответствии с принципами диспозитивности и состязательности.

В подтверждение указанного выше вывода можно сослаться на нормы ГПК РФ (ст. 163) и АПК РФ (п. 6 ч. 2 ст. 153), в соответствии с которыми судья, а при коллегиальном рассмотрении дела председательствующий в судебном заседании обязаны удалять из

зала судебного заседания явившихся свидетелей, а также следить за тем, чтобы допрошенные свидетели не общались с недопрошенными свидетелями. Кроме того, в случае первичной или повторной неявки в судебное заседание свидетеля без уважительных причин он может быть подвергнут соответственно штрафу и принудительному приводу (ч. 2 ст. 168 ГПК РФ, ч. 2 ст. 157 АПК РФ). В соответствии со ст. 176 ГПК РФ свидетель предупреждается об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний.

Ссылка некоторых авторов на п. 1 ч. 3 ст. 69 ГПК РФ, ч. 5 ст. 56 АПК РФ, обосновывающих положение о допустимости допроса судебного представителя (адвоката) в качестве свидетеля [1. С. 83; 4. С. 42], является недостаточно корректной, потому что в указанных нормах речь идет о запрете допроса в качестве свидетелей лиц, принимавших участие в качестве представителей по другому делу об обстоятельствах, которые хотя и имеют значение для правильного разрешения данного дела, но стали им известны в связи и во время исполнения обязанностей представителя по другому гражданскому делу.

Таким образом, процессуальный статус свидетеля и его показаний абсолютно не совместим с процессуальным статусом лиц, участвующих в деле, включая судебного представителя, и их объяснений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юдин А.В. Проблемы совпадения и совмещения процессуальных статусов участников арбитражного и гражданского процесса // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2011. № 8. С. 74–87.
2. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 2 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 4. С. 7–16.
3. Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. 2-е изд., перераб. М.: Норма, 2008.
4. Грось Л.А. О постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебном решении» // Арбитражный и гражданский процесс. 2004. № 10.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 декабря 2011 г.